

УДК 316.613

КОГНИТИВНЫЙ И АФФЕКТИВНЫЙ ФАКТОРЫ ИНГРУППОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В США И В РОССИИ

Ю.В. Ставропольский

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии

E-mail: StJulius@yandex.ru

Исследование представляет собой факторный анализ ингрупповой этнокультурной идентичности российских и американских респондентов. За основу для предложенной испытуемым анкеты был взят опросник Multigroup Ethnic Identity Measure (автор Дж. Финни). Выявлена степень влияния установленных факторов на этнокультурную идентичность.

Ключевые слова: идентичность, когнитивный, аффективный, фактор, ингруппа.

Cognitive vs. Affective Factors of In-Group Identification in the USA and in Russia

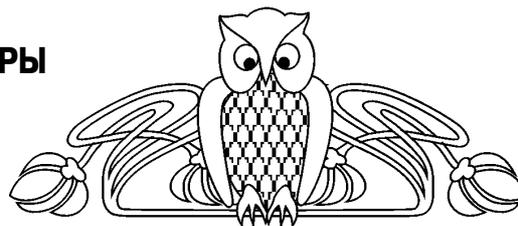
Yu. V. Stavropolsky

The presented research consists in a factor analysis of in-group ethno-cultural identity of Russian and American respondents. The basis for a questionnaire offered to respondents is constituted by Multigroup Ethnic Identity Measure by J. Phinney. Degree of the defined factors' influence on ethno-cultural identity has been detected.

Key words: Identity, cognitive, affective, factor, in-group.

Кросскультурная психология рассматривается за рубежом в качестве четвертой силы в психологии, которой суждено стать ведущей психологической силой в XXI в. Несмотря на то, что выдающиеся российские психологи Л.С. Выготский и А.Р. Лурия во всём мире признаются в качестве основоположников и первопроходцев кросскультурной психологии¹, в России кросскультурная психология не получила полномасштабного развития. Игнорирование кросскультурной перспективы приводит тому, что научное обсуждение проблем идентичности в современных мультикультурных сообществах ограничено конкретной исследовательской проблематикой, не основано на строгой методологии и не образует логически последовательного и внутренне структурированного научного поля. Несмотря на долгую историю исследования феномена идентичности, логически последовательная психология идентичности не сложилась. В связи с этим целью исследования является проведение факторного анализа ингрупповой этнокультурной идентификации российских и американских респондентов.

Эмпирическую базу исследования составили данные серии исследований, проведенных автором в течение 2001–2006 гг. Всего нами были опрошены в 2001 г. 202 респондента в США в Международном центре научных исследований им. Вудро Вильсона, одним из подразделений

которого является Институт перспективных российских исследований им. Дж. Кеннана, (г. Вашингтон, округ Колумбия) и в университете штата Мэриленд (г. Колледж-Парк, штат Мэриленд). По критерию этнорасовой принадлежности американские респонденты в нашем исследовании оказались распределены следующим образом. Доля респондентов, идентифицирующих себя с доминантной этнокультурной группой, – американцы европейского происхождения или белые американцы – 32,2%. Доля респондентов, идентифицирующих себя с недоминантной специфической этнокультурной группой, – 53,5%, а именно американцы азиатского происхождения, включая китайцев, японцев и других – 14,4%, афроамериканцы – 28,7%, латиноамериканцы – 9,4%, американские индейцы – 1,0%, иные – 2,5%. Доля недоминантной неспецифической этнокультурной группы в американской выборке нашего исследования – респонденты от смешанных браков – составляет 11,9% (рис. 1).

Во второй части нашего исследования, осуществленной в России в 2005 г., были опрошены 244 респондента из числа студентов Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Доля респондентов, идентифицирующих себя с доминантной этнокультурной группой (русской), – 73,0%. Доля респондентов, идентифицирующих себя с недоминантной специфической этнокультурной группой, – 9,4%: казахи, украинцы, чувашы, татары, азербайджанцы, ассирийцы, армяне. Доля недоминантной неспецифической этнокультурной группы в российской выборке нашего исследования – респонденты от смешанных браков – составляет 17,6% (рис. 2).

Методология эмпирического исследования представлена процессом комплексного (последовательного) использования количественных методов: корреляционного, дисперсионного и факторного анализа. Общий план эмпирического исследования согласуется с моделью измеренных этнических коррелятов, принятой в кросскультурной психологии². Предложенная испытуемому анкета объединила опросник Multigroup Ethnic Identity Measure (MEIM) (автор Дж. Финни)³ и разработанные автором вопросы, позволяющие оценивать социально-экономический статус респондентов: уровень образования, семейное положение, совокупный доход на семью и т.п.

Полученные методом анкетного опроса данные были подвергнуты статистической обработке при помощи компьютерной программы SPSS for

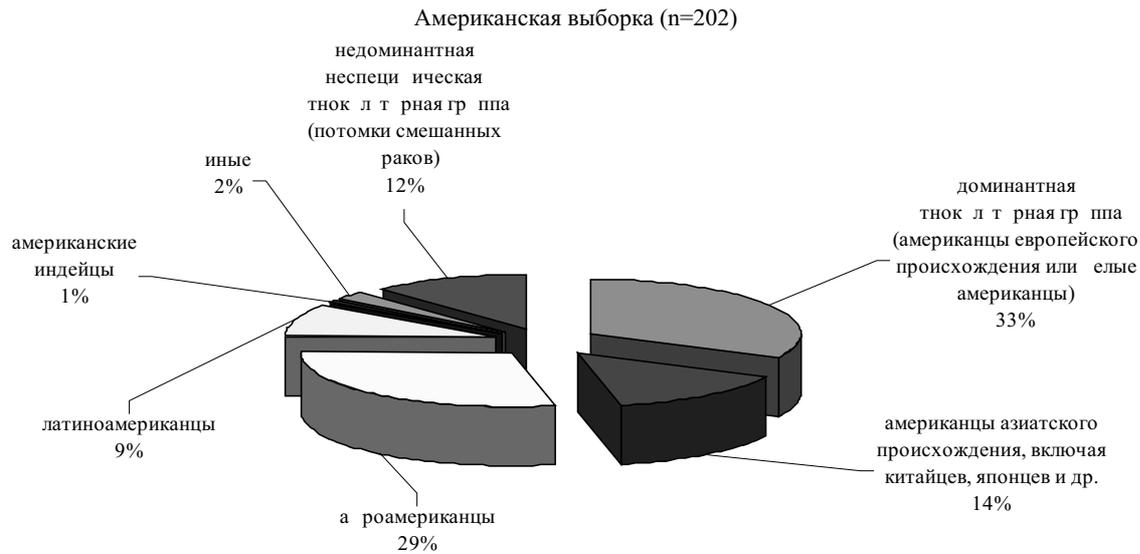

Рис. 1

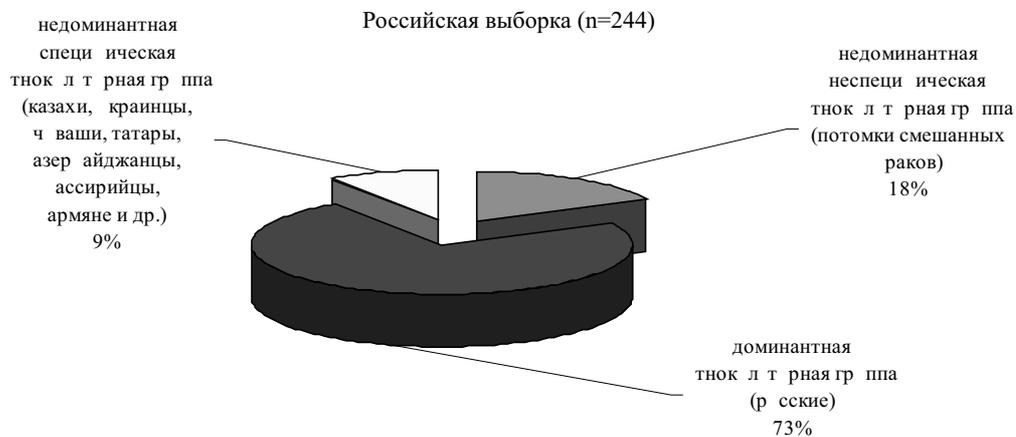

Рис. 2

MS WINDOWS Release 6.1. Определялись значения средних величин и стандартных отклонений для переменных из этих опросников. Нами был применен метод главных компонент, позволяющий выделить факторы из массива данных. В SPSS for MS WINDOWS Release 6.1 предусмотрена проверка теста Бартлетта (Bartlett) о сферичности распределения данных. Проверка теста Бартлетта подтвердила многомерную нормальность распределения полученных нами данных. Для повышения интерпретируемости факторов методом варимаксного вращения (нормализация по Кайзеру) была улучшена контрастность матрицы факторных нагрузок.

Начиная с теории Л.С. Выготского об опосредованном действии⁴, среди приверженцев разных концепций отмечается возврат интереса к исследованиям социализации⁵. С позиций культурно-исторической теории Л.С. Выготского функционирование «я» – лингвистический процесс, имеющий деятельностную природу⁶. С этой точки зрения, «я» предстает диалогическим процессом, постоянной основой которого оказывается межличностный интерактивный диалог с самим собой и с другими.

В структуре переменных, образующих ингрупповую этнокультурную идентичность американских и российских респондентов, нами были установлены два фактора: 1 – активные действия; 2 – эмоции и субъективные переживания, связанные с принадлежностью к этнокультурной ингруппе. В результате факторизации переменных субшкальных показателей в обеих группах респондентов выявлены два психологических фактора.

Фактор 1 коррелирует прежде всего с психологическими переживаниями индивида по поводу своей этнокультурной принадлежности, вызванной когнитивной идентификацией с ингруппой. Поэтому мы назвали фактор 1 фактором «внутриличностной вовлеченности в ингруппу» (табл. 1). Переменные, образующие структуру фактора 2, выражают объективное «мы», поэтому мы назвали фактор 2 фактором «межличностной вовлеченности в ингруппу» (табл. 2).

В американской выборке фактор 1 «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» коррелирует с теми переменными, которые отражают когнитивный аспект имплицитной групповой идентификации. Мы предполагаем, что в американской выборке когнитивное осознание менее способствует пере-

Таблица 1

Матрица нагрузок фактора «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» американских респондентов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Я очень горжусь своей этнической группой	0,87
Моя культурная и этническая принадлежность создает у меня позитивное самоощущение	0,87
Я счастлив, что я принадлежу именно к данной этнической группе	0,83
У меня сильно ощущение принадлежности к моей этнической группе	0,78
Я чувствую сильную привязанность по отношению к моей этнической группе	0,72
У меня существует ясное ощущение моей этнической принадлежности и осознание того, что она для меня значит	0,60
Я достаточно хорошо понимаю, что значит для меня принадлежность к моей этнической группе	0,55

Таблица 2

Матрица нагрузок фактора «межличностная вовлеченность в ингруппу» американских респондентов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Я принимаю активное участие в организациях и мероприятиях, большинство членов которых – представители моей этнической группы	0,74
Я много думаю о том, каким образом моя этническая принадлежность повлияет на мою жизнь	0,73
Я поддерживаю культурные традиции своей этнической группы: в пище, в музыке, в обычаях	0,57
Я уделил (а) какое-то время тому, чтобы больше узнать о моей этнической группе, о ее истории, традициях и обычаях	0,47
Для того чтобы больше узнать о своей этнической принадлежности, я часто разговаривал с другими людьми о моей этнической группе	0,44

живанию положительных эмоций в отношении этнокультурной ингруппы, нежели степень близости и тесных связей с ингруппой.

Активное *со-участие* в ингруппе сильнее всего связано с субъективным переживанием привязанности и с объективным поддержанием культурных традиций ингруппы. Внутриличностное и межличностное «со-участие» причастность и вовлеченность в ингруппу, тесно между собой связаны, тем самым подтверждается принципиальное положение культурно-исторической теории развития Л.С. Выготского о том, что интрапсихическое рождается из интерпсихического⁷.

Более категоричные ответы были получены от респондентов, принадлежащих к этнокультурной группе, наиболее контрастной по сравнению с доминантной культурой, где межкультурная дистанция между этой ингруппой и доминантной культурой наибольшая, соответственно, процесс социального сравнения действует более интенсивно и усиливает осознание групповой идентичности и вовлеченности в ингруппу на межличностном уровне. Очевидно, что с увеличением межкультурной дистанции усиливается действие механизма, который Г. Тэджфел назвал процессом социального сравнения⁸.

Для современного американского общества и этнокультурной идентичности американцев имплицитно характерны умеренный уровень внутриличностной вовлеченности (среднее значение = 2,41) и средний уровень межличностной вовлеченности (среднее значение = 2,61). Средние значения по обоим факторам для американской выборки примерно равные, а конкретные межкультурные

различия в степени ингрупповой идентичности американцев объясняются, во-первых, различиями в транспарентности/герметичности границ ингрупп (транспарентность сильнее в доминантной культуре и у афроамериканцев); во-вторых, величиной межкультурной дистанции, активизирующей процесс межкультурного межгруппового сравнения, протекание которого объясняется законом Г. Тэджфела⁹.

В структуре ингрупповой идентичности российских респондентов фактор «межличностной вовлеченности в ингруппу» вообще никак не связан с переменной «Я счастлив, что я принадлежу именно к данной этнической группе». Это косвенно свидетельствует о том, что в российской выборке нашего исследования этнокультурная принадлежность не играет роли детерминанты в межличностных отношениях. (*Indigenous* (англ.) – местный, туземный. Термин «индигенный» позволяет противопоставить культуру, сложившуюся в ходе исторической эволюции исконного населения, культуре, привнесенной извне в результате притока иммигрантов из иных индигенных культур).

Нами выявлены межкультурные различия в приоритетах российских и американских респондентов. Ингрупповая идентичность российских респондентов более рефлексивна – об этом свидетельствует доминирование в структуре обоих факторов ингрупповой идентичности россиян переменных, отражающих большую рефлексивность внутриличностной и межличностной вовлеченности в *индигенную* коллективистскую российскую культуру, их созерцательный и пассивный характер. Российские респонденты на вну-

триличностном уровне вовлеченности «ощущают принадлежность» (табл. 3), а на межличностном уровне вовлеченности «часто разговаривают» (табл. 4). Ингрупповая идентичность американских респондентов имеет более прагматически

ориентированный характер. На внутриличностном уровне вовлеченности американские респонденты «гордятся», а на межличностном уровне вовлеченности «принимают активное участие в организациях и мероприятиях».

Таблица 3

Матрица нагрузок фактора «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» российских респондентов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Я очень горжусь своей этнической группой	0,81
Я счастлив, что я принадлежу именно к данной этнической группе	0,79
У меня сильно ощущение принадлежности к моей этнической группе	0,77
Я достаточно хорошо понимаю, что значит для меня принадлежность к моей этнической группе	0,72
У меня существует ясное ощущение моей этнической принадлежности и осознание того, что она для меня значит	0,70
Моя культурная и этническая принадлежность создает у меня позитивное самоощущение	0,62
Я чувствую сильную привязанность по отношению к моей этнической группе	0,61

Таблица 4

Матрица нагрузок фактора «межличностная вовлеченность в ингруппу» российских респондентов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Для того чтобы больше узнать о своей этнической принадлежности, я часто разговаривал с другими людьми о моей этнической группе	0,67
Я много думаю о том, каким образом моя этническая принадлежность повлияет на мою жизнь	0,65
Я принимаю активное участие в организациях и мероприятиях, большинство членов которых – представители моей этнической группы	0,62
Я поддерживаю культурные традиции своей этнической группы: в пище, в музыке, в обычаях	0,60
Я уделил(-а) какое-то время тому, чтобы больше узнать о моей этнической группе, о ее истории, традициях и обычаях	0,59

Современное российское общество и этнокультурная идентичность россиян характеризуются весьма умеренным уровнем внутриличностной вовлеченности (среднее значение = 2,44) и еще более умеренным уровнем межличностной вовлеченности (среднее значение = 2,82). Эти значения примерно равны соответствующим американским показателям, межкультурные различия по ним несущественны.

Результатом личного сознательного выбора и сознательной *вовлеченности*¹⁰ в ингруппу становятся уменьшение диффузности данного «мы»-аспекта и более позитивное самоощущение в связи с собственной культурной и этнической принадлежностью, ведущие к формированию сознательно выбранного или *достигнутого* статуса¹¹ этнокультурной идентичности. Таким образом, предрешенный статус этнокультурной идентичности образует *архетип*, тогда как достигнутый статус этнокультурной идентичности образует *вовлеченность* (*commitment*). Это положение представляется нам *универсальным* (этическим), поскольку оно находит своё подтверждение и в американской *иммигрантской индивидуалистической* культуре, и в российской *индигенной коллективистской* культуре. Очевидно, что в *индигенной коллективистской* культуре (российской) межкультурная дистанция оказывается субъективно короткой, поэтому механизм,

который Г. Тэджфел назвал процессом социального сравнения, хотя и не перестаёт действовать, однако имплицитно не осознаётся.

Примечания

- 1 Encyclopedia of Psychology. Ed. A. Kazdin. 8 Vols. Oxford; N.Y., 2000. Vol. 2.
- 2 *Phinney J.P., Landin J.* Research Paradigm for Studying Ethnic Minority Families Within and Across Groups // *Studying Minority Adolescents. Conceptual, Methodological and Theoretical Issues.* Mahwah, New Jersey, London, 1998.
- 3 *Phinney J.* The Multigroup Ethnic Identity Measure: A New Scale for Use with Adolescents and Young Adults from Diverse Groups // *Journal of Adolescent Research.* 1992. № 7. P. 156–176.
- 4 *Выготский Л.С.* Проблема культурного развития ребенка // *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология.* 1991. № 4. С. 5–18.
- 5 *Shotter J.* Cultural Politics of Everyday Life: Social Constructionism, Rhetoric and Knowing of the Third Kind. Toronto, 1993.
- 6 *Lindesmith A.R., Strauss A.L., Denzin N.K.* Social Psychology. Thousand Oaks, 1999.
- 7 *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 1983.
- 8 *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories. Studies in Social Psychology. Cambridge, 1981.

⁹ Tajfel H. Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations. European Monographs in Social Psychology, London, 1978. № 14.

¹⁰ Matteson D.R. Alienation vs. Exploration and Commitment: Personality and Family Correlaries of Adolescent

Identity Statuses: Rapport fra Projekt for Ungdomsforskning. København: Projekt for Ungdomsforskning, 1974.

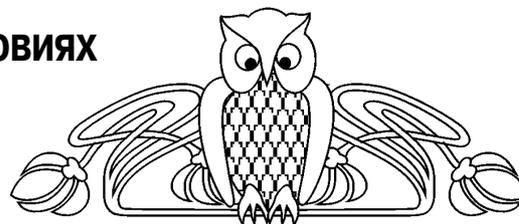
¹¹ Marcia J.E. et al. Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research. N.Y., 1993.

УДК [316.6:159.923] (082)

СУБЪЕКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ БЫТИЯ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Р.М. Шамионов

Педагогический институт Саратовского государственного университета, кафедра психологии образования
E-mail: shamionov@mail.ru

В статье обсуждаются вопросы соотношения субъектности и субъективности с позиций социализации личности, формирования бытийных пространств. Анализируется их место и роль в формировании субъективного благополучия личности.

Ключевые слова: субъект, субъективное благополучие, личность, социализация, бытие.

Subjective of Personalities in Process of the Socializations in Changing Condition of Being and Subjective Well-Being

R.M. Shamionov

In article are discussed questions of the correlation subjective and subjectivity with position of the socializations of personalities, shaping space of being. It is analysed their place and role in shaping the subjective well-being of personalities.

Key words: Subject, subjective well-being, personality, socialization, being.

Становление личности человека в процессе ее социализации предполагает формирование и изменение множества характеристик, среди которых особое место занимают интегральные. Таковой является, в частности, его (человека)¹ субъектность. В данном сообщении мы остановимся на личностном уровне анализа субъектности в ее динамическом бытийном аспекте. Субъект не сводится к общественным отношениям (к личности), но реализуется именно в них. В соответствии с этим бытие личности – всегда и бытие субъекта; они не отделимы друг от друга, поскольку как само общественно-историческое развитие, так и онтогенез «запрограммированы» на то, чтобы человек в процессе социализации приобрел не только личность, но и субъектность. Поэтому свойства личности и субъекта настолько переплетены, что не могут существовать вне контекста друг друга. Это определяет поведение их носителя – человека в системе различных видов отношений, деятельности, самосознания. Отсюда следует необходимость анализа социально-психологических явлений вообще и социализации личности, в частности, с позиций субъектного подхода.

Остановимся на ряде вопросов, возникающих при анализе становления личности и субъекта в процессе социализации.

Прежде всего необходимо отметить, что личность изначально активна в своем становлении. В работах А.В. Брушлинского отмечается активная роль социализируемого индивида. Это положение стало отправным в исследованиях социализации личности последних десятилетий. Кроме того, представляется важным и то, что осуществление активности в становлении личности происходит благодаря последовательной реализации бытия человека в различных ипостасях. Речь идет о тех бытийных пространствах, в которых происходит и присвоение социальной информации, и формирование личного опыта, и отношение к внешним объектам и субъектам. Поскольку личность представляется как самоорганизующаяся система, она устанавливает различные отношения с окружающим миром. Эти отношения задают ориентиры, но не саму активность, которая исходит из субъектности личности. Иначе говоря, явления, порождающие активность, и активность, направленная на реализацию бытия, – суть целостной циклической системы, в которой ведущую роль играет личность человека. Поэтому наиболее важным обстоятельством в обозначенном ракурсе является поиск и установление смысловых ориентаций, которые становятся для личности чем-то вроде надбытийных и объективируются в конкретных пространствах бытия. В свою очередь, бытие является и источником новых потребностей, и той инстанцией личности, в которой объективируются ее существенные характеристики; какова бы ни была внешняя по отношению к личности ситуация, она не становится детерминирующей что-либо в ней, пока не становится бытийной, т.е. переживаемой ею.

Бытийные пространства личности (конструируемые самой личностью) связаны с различного рода представлениями, в которых отражаются внешние коллективные представления, а также конструируемые личностью и являющиеся